

**ГАЛИНА
КУДРЯВСКАЯ**

**И ТОЛЬКО ЭХО
ВДАЛЕКЕ**

**Библиотека
омской
лирики**

**ОМСК
2008**

Министерство культуры Омской области

ГАЛИНА
КУДРЯВСКАЯ

И ТОЛЬКО ЭХО ВДАЛЕКЕ

Книга
СТИХОВ

ОМСК
2008

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

К88

УДК 821.161.1-14

Кудрявская Г. Б.

К88 И только эхо вдалеке. Книга стихов. –
Омск, 2008. – 104 с. – (Б-ка омской
лирики).

Книга Галины Кудрявской «И только эхо вдалеке» настраивает читателя и на высокий диалог с вечностью, и на восприятие очень простых конкретных вещей. Автор, как и ее лирическая героиня, никогда не бывает сторонним наблюдателем, она – неравнодушный участник всех сюжетов и историй...

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Кудрявская Г.Б., 2008

© Министерство культуры

Омской области, 2008

ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ СТЕЗЯ

Галина Кудрявская – особое, отдельное явление в омской литературе. Ей счастливо даровано выражать свои связи с миром, свое восприятие человеческих отношений, природы одинаково глубоко и тонко и в поэзии, и в прозе. По тому, о чем и как пишет эта удивительно талантливая женщина, видно, что она истово живет, впитывая все события, явления и образы окружающего пространства:

*Очнуться вдруг нечаянно в судьбе...
Вослед звезде, в ночи блеснувшей ярко,
Обрадоваться миру и себе,
Как самому желанному подарку.
И дальше жить не так, как прежде жил,
А изо всех своих забытых сил.*

Лирическая героиня Кудрявской никогда не бывает сторонним наблюдателем, она – неравнодушный участник всех сюжетов и историй. Резонируя с внешним миром, благодатные впечатления обретает душа. И из всего этого вытекает предназначенье:

*Стихи мои – моя молитва к Богу,
Такую Он определил дорогу -
Искать слова, всем голосам внимая,
И находить, из сердца вынимая,
Чтобы кому-то помнились они,
Как светлые и сладостные дни...*

Естественное свойство «творческого аппарата» автора состоит в том, что он одновременно настроен на высокий диалог с вечностью и восприятие очень простых конкретных вещей:

*Отгромыхав, прошла гроза...
И, в тишине воскреснув,
Такая даль глядит в глаза,
Душе и телу тесно.
А птички стаи в той дали
И кстати, и на месте,
В контексте Неба и Земли –
Единственном контексте.*

Как медик (Галина Борисовна – врач по первой профессии), она умеет ставить точные диагнозы. Для нее очевидны многие человеческие «болезни» – грубость, лень, корысть, безразличие, бессовестность, черствость. Но как человек православный, она взывает к милосердию и прощению. Ей особенно горестно за сирых и убогих. И самые трогательные картины она пишет про них – старушку Марию («День поминовения»), одинокого возницу («Неухожена лошадка...»), просящих подаяние («Нищенка», «У церкви»). На все отзывается душа, очищенная слезами. В наш жесткий век пытаться пробуждать в человеческих сердцах милосердие, «чувства добрые лирой пробуждать» – миссия поистине христианская.

«Жизнь моя стекает в строки...» – признается автор этой поэтической книги, и мы, читая написанные строки, печалась и оттаивая душой, испытываем благодарность за подаренные нам прекрасные мгновения, полные радостных открытий, горьких раздумий, светлых прозрений – всего того, что заставляет задуматься о своей жизни, о ценностях истинных и мнимых, о человеческих взаимоотношениях, всего того, что просветляет душу.

***Лидия Трубицина,
член Союза журналистов России,
член Союза театральных деятелей России,
заслуженный работник культуры РФ***

**ЖИЗНЬ МЕЖ
РАДОСТЬЮ И ГОРЕМ**

Я песенку пела про чудо
И в небо ночное взглянула.
Но вечность дохнула оттуда,
Как будто из темного сада
Волной накатила прохлада
И губы молчаньем замкнула.

В полночный час, когда на небе звезды,
Когда душа очищена слезами,
Что к нам приходит явью или снами
Сквозь годы невозвратные, сквозь
версты?
Какая связь невидимая длится,
Ответь мне, вечность, рассекреть
секрет.
Но проникает в душу звездный свет
И оседает солью на ресницах.

Глина. Пригорок. Ива.
В самом обычном даже,
В самом простом пейзаже
Жизнь все равно красива –
Глина, пригорок, ива.

Еще не Россия – уже не Сибирь.
Куржак по нечесаной гриве Урала...
На ветке сосны красногрудый снегирь

Готовит себя для вокала.
Не сладкоголосый, не знатный певец –
Отшельник в безмерном безмолвии белом,
Но клюв отворит – и молчанью конец.
О! Только б душа его пела.

Неухожена лошадка,
Ишь, в навозе все бока,
Оттого везти несладко,
Неохота седока.
А седок, седой и старый,
В телогреечке худой,
Неухожен ей под пару.
Бороденку взяв в ладонь,
С грустью смотрит на дорогу,
Что плывет из-под колес.
«Вот бы мне вторую ногу,
Я б тебя пошибче вез.
Я б тебя допер мгновенно,
А не так, как ты, с ленцой».
Лошаденка равномерно
Продолжала бег трусцой.
Дед воздерживался сильно,
Чтоб ее не материть.
«Эта ж подлая скотина
Может вовсе не пойтить.
Я ж ее поганый норов
Изучил за стоко лет.
... Вот уеду к детям в город,
Будешь плакать али нет?»
Так срослись в одной дороге
Две судьбы на склоне дня,
Две нелепых и убогих –
Человека и коня.

Дом стоит, неказист, скособочен,
Он заброшен, забыт, заколочен.
Но остались за ставнями тени
Четырех или трех поколений.
Память дома берется за дело,
Слышит дом голоса, видит лица.
Вот проснулись, скрипят половицы,
Вот в печи занялось, загудело.
Над плитой наклонилась старуха,
На часы поглядела, заахав...
Дом вздохнул обреченно и глухо,
А сквозь ставни блинами запахло.

Я ПРИЕДУ...

Вдруг покажется – можно приехать,
Не спеша с электрички сойти,
Под шагов многократное эхо
Запах детства вдыхать по пути.
Потихоньку приблизиться к дому,
Постучать, замереть у крыльца
И услышать до боли знакомый
Голос матери или отца.
Посидеть у стола за беседой,
Посудачить о нашем житье,
Щей вчерашних, любимых, отведать.
Те же щи я варю, да не те.
Снять огурчик молоденький с грядки,
На чердак, в сеновал заглянуть.
И, поверив, что все здесь в порядке,
Сладко-сладко, как в детстве, уснуть.
...Я приеду, пройду вдоль ограды.
Как давно не бывала я тут.

Только в доме мне больше не рады,
В доме люди чужие живут.

Родина, милая
Сердцу простому, –
Желтый подсолнух
Да тропочка к дому.
Родина вечная.
В сердце возвышенном
Светишь проталиной
Неба над крышами.
Родина гордая.
Горькому сердцу,
Как ни старайся,
В тебя не взглядеться.
Так и останешься
Вечной загадкой
В песне нескладной,
В жизни несладкой.

Горчит полынь сухая,
Зажатая в руке.
Какая-никакая
Зернится в кулаке.
Какая-никакая,
А вызрела судьба,
И жизни урожая
Мерило – молотьба.
Намолотил, отведал,
И оторопь берет,
Отвезть бы все беды,
Оставить только мед.
Да если бы родиться

Чуть раньше, чуть позднее,
Да крепче пригодиться
На Родине своей.
О! Если б изначально
Любить ее сильнее,
То б не полынь печали
Была в руке моей.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНЬЯ

Из шали поношенной выпростав ухо,
У кассы церковной глухая старуха
С печалью привычной просила
монашку:

– Моих упокойных впиши на бумажку,
Пиши и считай, и получится девять...
Да ты не заботься, достаточно денег.
Мне пенсию платят по сорок целковых,
Не падкая я до сластей и обновок,
Скопила за зиму на поминавенье,
Чтоб всем упокойным – церковное пенье.
Варваре с Никитой. Маманю с папаней
В тридцатом сослали на Север на
Крайний.

Пиши еще младших, Илюшу с Дуняшей.
Тогда из семьи-то из бывшей, из нашей
Остались лишь я да еще два братана;
Пиши, значит, следом Егора, Ивана.
Уж после, в конце предвоенного года,
Их тоже назвали врагами народа.
А я уже с мужем жила в это время,
Пиши и его, Александр Еремеев.
Мы после войны и не свиделись с
Сашей,

Погиб не в плену, а в колонии нашей.
Теперь вот на всех отписали бумажки,

Мол, так получилось по чьей-то
промашке...
Она вспоминала ушедшие жизни
Светло, не кляня ни властей, ни
Отчизны.
Она притерпелась, она по привычке
Считала судьбу свою самой обычной.
Ведь все на глазах, что родня, что
соседи,
Кого миновали те годы, те беды?!
– Еще запиши Александра – сыночка,
Тогда ему было четыре годочка.
Он пух с голодухи и плакал на койке,
И я принесла молока после дойки.
Немного мне дали, всего-то годочек.
Да помер в детдоме от кори сыночек.
Вот с Сашенькой-сыном ровнехонько
девять.
Как восемь? Считай, дай сначала
проверить.
Но очередь сзади уже подпирала:
– Ну вспомнила восемь, ну что, тебе –
мало?
Старуха всем телом припала к окошку:
– Вот вспомню уж, потерпите
немножко.
И плакала память глазами сухими.
– Забыла, забыла девятое имя.
– Твое-то как имя? – монашка
спросила.
– Пиши-ка – Мария, себя и забыла.
Помру, и поплакать-то некому будет.
Вздыхнула: – Спасибочки, добрые люди!
И с чувством исполненной славной работы
К окошку пустила другого кого-то.

Стынет белая дорога...
Не согреться на бегу.
Только тени голубые
Замелькали на снегу.
Сердце бьется чаще, чаще,
Поднимаясь высоко,
А до жизни настоящей,
Как до Бога, далеко.

ДОМИК НА ОКРАИНЕ

Одно окошко в улицу,
Одно – во двор,
В котором клюнет курица –
И весь простор.
И в огороде грядочка
Лишь на погляд,
Скорее, для порядочка –
Своя ж земля.
Своя у дома лавочка -
Людей глядеть,
Своя гармонь-трехрядочка,
Чтоб песни петь,
И жизнь своя. Не шибкая,
Да и не брос,
То рядышком с улыбкою,
А то и врозь.

Чуть полежать, не открывая глаз,
Не выходя из сна и сновиденья...
Веди-веди свой призрачный рассказ,
Короткое забытое мгновенье.
Что чудится на донышке пустом?
Не дотянусь, не разгляжу, но все же...
Вот человек... калитка... старый дом,
И – счастье, ощущаемое кожей.

Учиться не рыдать и не страдать,
Себя блаженной ложью утешая?
Но лишь тогда дается благодать,
Когда душа насытится страдая.

Все смолкло в лесу. Тишина.
Лишь где-то кукушка кукует,
Должно быть, в потемках одна
О прожитом горько тоскует.
Щемящей печалью полны
Деревьев уснувшие кроны.
И чаще, дремучей и темной,
Тревожные грезятся сны.
В ладошке у неба луна,
Как белого хлеба краюшка,
За кромкою леса – избушка.
Старуха сидит у окна.
А там, у чужого гнезда,
Чужие считая года,
Все плачет и плачет кукушка.

Старушки, мамины подружки,
Я поутру
На поминальную пирушку
Вас соберу,
Где с тайной завистью к усопшей
Вам слезы пить.
Она свою свалила ношу,
А вам тащить.

С. П.

Есть тяжелая в жизни работа –
Проводить дорогих стариков
До последнего их поворота
И расстаться на веки веков.
А потом по ночам вспоминать,
Как глядели отец или мать,
И казнить себя тяжко, сурово,
Тщась припомнить последнее слово.
И искать в окруженье немом
И звучанье его, и значенье,
Словно в слове потерянном том
Не прощание было – прощенье.

Жизнь моя стекает в строки,
Изливается в слова.
И опять она права –
Для всего приходят сроки.
Время – сеять, время – жать,
Время плакать над словами,
В добрый час проститься с вами,

Чтоб в лихой не провожать.
Было время. Вышел срок.
Десять строчек на бумаге.
Дай, Господь, еще отваги
Да еще хоть пару строк.

СЧАСТЬЕ

1.

Обидно понимать сейчас,
Что счастьем было то, что было.
А я жила и не ценила
Счастливым день, счастливый час.
Я столько понесла потерь,
Гонясь за призрачным и мнимым,
Чтоб горько осознать теперь,
Как страшно жизнь необратима.
Но светит солнце, дождик льет,
И открываю лишь сейчас я –
Все станет счастьем, что пройдет,
И этот миг летящий – счастье.

2.

Пахло капустными щами и счастьем.
Не сочиненным, живым, настоящим,
Дарящим душу, и дом, и Вселенную.
Счастьем, украсившим жизнь нашу
бренную,
Выросшим в мире, для счастья негодном,
В веке, считающем счастье немодным.
Из ничего, так, из разностей разных
Выросло и оказалось заразным.
Счастье за счастьем, глядишь –
эпидемия:
Тот – в академики, этому – премия,
Этот – женился, а этот – развелся,
Этот собакою вдруг обзавелся...

Каждому счастье, чтоб не было пусто.
А начиналось-то – пахло капустой.

3.

Утрами уже морозит,
Хрустит под ногой ледок,
А сердце для счастья просит
Коротенький поводок,
Чтоб рядом, к ноге! О, дайте
Над ним почувствовать власть,
А счастье тогда и счастье,
Покуда оно – не всласть,
Покуда его немного,
И жадности холодок...
А дальше – скользит дорога,
Трещит под ногой ледок.

4.

Жизнь научает со многим смириться,
Что ж, улетай, перелетная птица.
Взмах, поднимаю прощающе руку,
Горькую я принимаю науку.
Падают звезды и падают листья,
Снятся, как прежде, любимые лица,
Но испаряются зимы и лета.
Счастье мое перелетное, где ты?
Чем обернулось в ином измеренье?
О, как непросто дается смирение...

На тоненькой нитке лесной паучок,
Подвешена нитка за хрупкий сучок.
Колышется ветром осенним осина,
Дрожит и порвется вот-вот паутина.

ИЗМЕНА

Не она изменила, а он.
Отчего же он злится, ревнуя?
От украденного поцелуя,
Словно сам обворован, взбешен.
Отчего же ее обвинять
В несодеянном страшно и сладко?
Отчего ему надобно знать,
Что она изменяет украдкой?
Но она невиновна, увы,
И почти понимая причину,
И стыдясь за него, за мужчину,
Промолчит, не подняв головы.

Любить вольна и не любить вольна,
Но где любви и нелюбви цена?
Не ходит счастье по дороге ровной,
Мне горько быть и правой, и виновной.
Любить вольна и не любить вольна?
Нет, это только видимость одна.
И разве я была б судьбой довольна,
Когда б все изменить мне было
вольно?!

Счастливая душа
По-своему живет,
Счастливая душа
По зернышку клюет.
Согреется в мороз
Единственным лучом,
Спасется от жары

Единственным листом.
Меж выгоревших трав
Зеленая трава –
Счастливая душа,
Что малостью жива.

Злому человеку
Жить нелегко.
У злого кругом
Только злоба да мука.
А добрый, куда ни протянет руку,
Там манна с медом и молоко.

Весна наступила.
Раздроблены льды
Зубами могучих
литых ледоколов.
И бег сумасшедшей
весенней воды
На север уносит
расколотый холод.
И в белой манишке
на нежной груди
Весенняя птица
дрейфует на льдине.
И рядом с надеждой,
что жизнь в середине,
Вдруг вспыхнет безумная –
всё впереди!

Конец апреля. Верю и не верю
Отворенной в весну и лето двери.
Еще душа с теплом и солнцем врозь,
Еще земля, промерзшая насквозь,
Весенними лучами не прогрета,
И говорят народные приметы,
Что быть еще холодному отзимку...
А молодежь – по улицам в обнимку.

Нет, молодым не завидую я,
Их не минует мой возраст серьезный.
Будут и им запоздалые розы,
Розы с шипами, дарить сыновья.
Будет им ветер в скудеющем поле
Песни печальные, скорбные петь,
Будет и в них обжигающей болью
Совесь живая гореть.

Непростым выражением глаз
Наши дети походят на нас.
Так походят, что не отвертеться.
В них, как в зеркало, станем глядеться.
Трудолюбие их и геройство
Будем чтить как фамильные свойства.
Благородство, присущее им,
Торопливо признаем своим.
Но когда в их нелегкой судьбе
Вдруг проявится стыдное что-то,
Запоздало, с большой неохотой
Приговор мы подпишем себе.

Всё в Божьих руках,
Но высокое чувство тревоги
За мир этот странный,
Несчастный, убогий, больной,
Как спутник, с которым,
Увы, по дороге,
Оно, как душа, как судьба,
Постоянно со мной.
И плачут березы,
Осины осенние стонут,
И машут ветвями
Седые ряды тополей.
А жизнь так бездонна,
Темна, неизбежна и в омут
Затянет, утопит, погубит,
А после – жалею.

Березы голые белели,
Сливались их стволы вдали
В предошущении метелей,
Что из грядущего мели.
Природа отворила двери
Снегам, морозам, ноябрю
И наблюдала с недоверьем,
Как, вопреки календарю,
Под солнцем нежилось село,
И было тихо и тепло.
Еще не вспугнуты зимой,
Сильнее голубели дали,
И стаи голубей летали
Над ожидающей землей.

Пост Филиппов, белое безмолвье.
Даже птиц не видно на снегу.
Стерты ноты, но на полуслове
Оборвать молитву не могу.
Твоему Святому Рождеству
Я, придя вослед за пастухами,
Стану петь по чистому листу
Из души встающими словами.
Все упорство ледяной зимы,
Все терпенье моего народа
В час великий Твоего прихода,
Бог, и Царь, и Человек, прими.
На руках дрожащих, на весу,
Я Тебе в холодную пещеру
Все свое богатство принесу:
И Надежду, и Любовь, и Веру.

Ищет душу живая душа,
Унижая себя и греша,
Одинокого горя страшась,
Ищет душу живая душа,
А находит – житейскую грязь,
От которой отмыться потом
Удастся с великим трудом.
А потом?.. А потом... чуть дыша,
Ищет душу живая душа.

Плач ли, стон ли раздался гармонь.
 Пелагею деревня хоронит.
 Два сыночка, Егор да Васятка,
 Разорвали меха у трехрядки.
 Что ж, поминки – обычай наш древний,
 Третьи сутки гуляет деревня.
 Не деревня, а жалкая малость:
 Пять домишек всего-то осталось.
 Ни подворий теперь, ни усадеб.
 Двадцать лет не справляли тут свадеб.
 Двадцать лет у деревни причина
 Для гулянки – не радость, кончина.
 По-над крышами дух самогонный.
 Затянулся обряд похоронный.
 Лишь покойная смиренно лежала
 На кровати, поверх одеяла.
 — Вымирает родова-то наша...
 Первача наварила мамаша.
 ...Хорошо, не успела припрятать, –
 Пьяный брат уговаривал брата.
 — Без гармошки, конечно, хреново,
 Хошь, хоть завтра поеду за новой?..
 Третьи сутки к концу подходили,
 А они и могилы не рыли.
 То плясали, то пели частушки
 Сыновья и соседки-старушки.
 Дармовое застолье – удача.
 Здесь теперь не хоронят иначе,
 Матерщина да пьяная ругань.
 До краев наливали друг другу,
 Заливали и совесть и жалость,
 А в округе земле не рожалось.
 Ветер тучи гнал мимо и мимо

Разоренной земельки родимой,
И глядела пустынная вечность
На погибель души человеческой.

Убогая русская жизнь,
Кривые дома и заборы.
С печалью бездонная высь
Глядится в немые просторы,
Да бедное сердце горит
Больной застарелой любовью.
И плачется птицам навзрыд,
И бабам рыдается вволю.
По избам лежат мужики:
Кто – в стельку, а кто – с полупьяна.
И все-то нам жить не с руки,
И все нам никак без обмана.
Чтоб после рыдать и жалеть,
И в грудь себя бить кулаками,
Но всё ж с золотыми руками
Суметь в нищете помереть.

Не лежит ли где-нибудь?
Не лежит...
Не бежит ли кто-нибудь?
Не бежит...
И лежать-то нечему –
Пропили...
И бежать-то некому –
Померли.

Дивно ли у нас,
Скажи на милость,
Если чья-то жизнь
Не получилась?
Странно ли у нас,
Когда печалью
Сердце переполнено в груди?
Чудно ли у нас
Еще в начале
Знать про все,
Что будет впереди?
Просто знать,
Что будет очень мало
Солнышка на пасмурном пути.
После скажут:
– Жизнь его сломала.
А ее и не было почти...

Холодно в доме, нетоплена печка,
Чье-то в ночи обмирает сердечко.
Хочется плакать, мечтать, и молиться,
И улетать невесомою птицей
В дальние страны, прекрасные дали,
Те, о которых мы в детстве мечтали.
Только найдется ль такая на свете,
Где бы ночами не плакали дети,
Где б молодела счастливая старость,
Где бы и нам хоть немного досталось
Мира, покоя, любви и участия?..
Холодно в доме... В России ненастье...

Над снежным обрывом висела
Береза, дрожа на весу,
И облаком легким белела
Другая береза внизу.
Одна, напрягаясь корнями,
Себе говорила – держись!
Другая – тугими ветвями
Летела в бездонную высь.
И обе хотели капли
И лета хотели до слез,
И птицы веселые пели
В ветвях у обеих берез.

Все чисто, выметены горницы,
Легко и грустно уходить
Из комнаты, где я затворницей
Совсем не собиралась жить.
Зияет улица морозная,
Пространством душу леденя.
И след, оставленный полозьями,
Меня уводит от меня.
Путем испытанным, оплаканным
Из неприглядных долгих лет
Туда, где счастья тоже нет,
Где нищенка в платке залатанном
И утешенье пахнет ладаном.

Вдруг свернулась листва
От мороза ночного.
Золотые слова
От начального слова,
От литого ствола,
Отрываясь, кружили.
...Может, вечность прошла,
Может, вовсе не жили...

Придет желание раствориться
(Как тьмы колодезной напиться)
Вот в этих улочках пропащих,
Листвой опавшею пропахших,
Где чистый свет мне в душу льется,
Как тонкий луч на дно колодца.

Я – человек. Во мне так много жизней:
И тех, что были и прошли давно,
И тех, что будут. Значит, я – зерно,
Я семечко на полюшке Отчизны.
И дочери мои, мои ростки,
Растут. И вырастают в человеки.
И все мои вершки и корешки
Моею жизнью связаны навеки.

Катись, катись, колечко, от крылечка.
 Что мне проделки старые твои?
 Есть на земле четыре человечка,
 Мне часто говорящих о любви.
 Для них ничто не может быть помехой,
 Когда в ночи тревожусь и не сплю,
 Доносится четырехкратным эхом:
 – Тебя люблю, люблю, люблю, люблю.
 Придет пора, мой путь буран заснежит,
 Но я совсем исчезнуть не боюсь,
 Есть на земле четыре сердца нежных,
 В которых я останусь и продлюсь.
 Не торопись, грядущая разлука,
 Будь тень твоя над нами не видна,
 Пока растут мои четыре внука,
 Вернее – три. И внучечка одна.

ХОРОШО

Осенним днем, когда душой
 Так жаждешь солнца,
 Вдруг кто-то скажет: – Хорошо!
 И рассмеется.
 Покажется, что «хорошо»
 Шуршит, как шорох,
 А это мелкий дождь пошел,
 И листьев ворох
 Под ноги кинулся щенком
 И туфли лижет
 Холодным мокрым языком,
 А в лужах вижу
 Желтеет лоскутами шелк,
 Там листьев пятна.

И станет слово «хорошо»
Душе понятно.

Зачем так красива осень
Предельно прозрачным небом,
Немыслимым буйством красок?..
Чтоб мы не боялись смерти,
Чтоб мы научились видеть
И в ней красоту живую?..

Но разве не больно листьям,
Когда, распрощавшись с жизнью,
Они опадают наземь?..
Какая им смерть желанней –
Растаять в костре веселом,
Истлеть в земле под ногами?..

О Господи, научи нас
И в смерти продляться жизнью.

«Виють витры...» – Так певали
В праздники у нас.
«Виють буйны», – и печалью
Песня вдаль лилась.
«Як я бидна тут горюю», –
Плакали навзрыд.
Был у каждой во сырую
Кто-нибудь зарыт.
Кто-то любимый и бесценный.
И казалось мне –
В песне этой невоенной
Пелось о войне.

Мы в сумерках, не засветив огня,
Сидели молча у горячей печки
И слышали, как ветер смел с крылечка
Следы уже исчезнувшего дня.
В проем заиндевелого окна
Входила ночь торжественно и строго,
Собою освещенную дорогу
Рассматривала пристально луна.
Тревожа, мучая и надрывая душу,
Так тукал веткой тополь о стекло,
Что все хотелось выбежать наружу
И завести его к себе, в тепло.

Бесснежные зимы горьки.
В них резки, пронзительны ветры,
И меряют посадок рядки
Промерзших степей километры.
И думаешь: «Боже ты мой,
Откуда тут быть изобилью?»
И веет над мертвой землей
Такою же мертвою пылью.

НА УЛИЦЕ ТАРСКОЙ

Что тут мерки? Не по меркам
Различает взгляд живой
Дом, где суд и Божья церковь
На одной стоят прямой.
А еще чуть-чуть повыше,
Там, где старые дома,
В окруженье стен и вышек
Расположена тюрьма.

Чья-то мать с утра до ночи
То оттуда, то туда.
Слезы выели ей очи.
В ожидании суда
Тут и там пощады сыну
Молит, плача у ворот:
— Ни про что парнишка сгинул,
А в солдаты через год...
Там бы он свое упрямство,
Может, как-то превозмог.
...Только вон у Кати Брянской
Взял... повесился сынок.
Говорили мне соседки,
Может, взяточку б кому.
На язык-то все мы крепки,
А коснется... что к чему?
На такое как решиться,
Как себя переступить?
Видно, чистую водицу
Илом лучше не мутить.
А вчера еще старухи
Нашептали, страх берет,
Про судейских. Может, слухи,
Может, все же пронесет.
Разберутся, кто тут правый...
Шаг оттуда, шаг сюда —
От суда с недоброй славой
До Последнего суда.

Вольному воля, хочешь — живи,
Руки запачкай в безвинной крови.
Ну а не хочешь, мошенник и вор, —
Голову русую снимет топор.

Вольному воля, хочешь – солги.
В этом тумане не видно ни зги.
Правда не ценится в нашем краю,
Значит, скажи, что живем мы в раю.
Вольному воля, хочешь – продай
Душу, чтоб слаще на свете жилось,
Пилось и елось, и мягче спалось,
Чтоб заграничная близилась даль.
Ну а не хочешь, как хочешь – не ешь,
Будет в кармане вечная брешь.
Вольному воля, спасенному рай,
Хочешь – живи, ну а нет – помирай.

Ах, полюшко, снежное поле,
С надеждой приходишь сюда,
И глянешь направо – приволье,
А глянешь налево – беда.
Высокие справа березы
Да чистая белая даль.
Налево – разруха да слезы,
Гульба, маета и печаль.
Направо – Небесное Царство,
Где мир, тишина и покой.
Налево – людские мытарства,
Тяжба, нелюбовь и разбой.
Здесь плачут заброшенно дети,
Покинуто жены ревут...
Есть Божия правда на свете,
Да люди без Бога живут.
Ты снегом, пречистое поле,
Сотри с нас проклятья печать,
Чтоб нам под Отцовскую волю
По правую сторону встать.

Перепутье перепутали с путем,
Так всю жизнь на перепутье и живем.

Только что ни говори
Про спасительные средства,
Если холод изнутри,
То снаружи не согреться.
Испаряется краса,
Не опознанная мною,
Возвращают небеса
Без остатка зло земное.
Самозванец власти рад,
Как старатель самородку,
Убивает брата брат,
Другу друг вцепился в глотку.
Позабывши обо всем,
О возмездии и сраме,
От насилья не спасем
Человека даже в храме.
О святые, где же вы?
Над Россией воздух спертый.
Возвращается к живым
Зло мерзавцев, даже мертвых.

О смысле жизни вечно спорим:
Трещат и рушатся слова,
А жизнь меж радостью и горем
Лишь напряжением жива.

В церкви гаснут огни,
Догорели все свечи.
Ощущение чистой
И радостной встречи.
И предчувствие сладкое
Дома родного.
Словно жил здесь
И вот – возвращаешься снова,
Чтоб с порога, в притворе,
Упасть на колени,
Не услышав ни слова,
Ни вздоха упрека.
Я свободна была
В исполнении срока.
Но, прощенная,
Все же молю о прощенье.

Душа вольна хранить и не хранить
С Творцом ее связующую нить.
Она свободна выбирать сама:
Здесь вечный свет, а там – навеки тьма.
Сама решаешь, некого винить.
Не торопись, не рви живую нить.

Как этот лист на веточке, держись.
Сдались его собратья, облетая,
И лишь его, как истинную жизнь,
Не победила осень золотая.

Совсем один на дереве пустом,
Зимы спешащей только гость случайный,
Глядит в окно и наполняет дом
Мистически благоговейной тайной.
И окрыляет тех, кто жить рискует:
Что день грядущий, как надежда, чист.
...Из века в век Господь последний лист,
Жалея нас, на веточке рисует.

Проникну в царство дикое
Послушать тишину.
Скользит речушка тихая
По илистому дну.
Березы обнаженные
Глядятся в синеву,
И я, замороженная,
Забуду, что живу.
Не помня и не ведая
О жизни ничего,
Ни радостям, ни бедам я
От сердца своего
Не отделию нисколечко,
Ни веку, ни судьбе.
Пуškai стучит тихонечко
Сейчас само себе.

Все то, чего меня Господь лишил,
Должно быть, в самом деле было
лишним...

Вовсю цветут ликующие вишни,
Пока у яблонь не хватает сил.
И падает созревшая звезда,
Почти совсем забыв о снегопаде.
А за оврагом в неглубокой пади
Ручей стекает будто в никуда.
Все выверено точно, решено,
Кому цвести, кому стекать и падать...
А мне глядеть в забытое окно,
Держа в руках давнишние тетради.

О, как молчанье душу лечит,
Когда, высокое, оно
Взамен несовершенной речи
В тиши главенствует одно.
И над бессильными словами
Возводит легкие мосты,
Разрушив пропасть между нами,
Соединяет «Я» и «Ты».
Меняет «пасмурно» на «ясно»,
Явив надежды светлый лик!
Каким-то чудом – краткий миг –
И мир становится прекрасным.

Осенние примолкли берега.
Чуть шевеля усталою волною,
Недвижная предзимняя река
О вечном говорит со мною.
Покою тайным сумерки полны,
И крики птиц невидимых печальны.
Она во мне, я в ней отражены
До времени, до мира – изначально.

ДО ЛЮБВИ ДОТЯНУТЬСЯ

Осенняя краса. Последний час.
Октябрьский день, остатняя минута
Перед зимой... И сладко почему-то,
Как будто счастье впереди у нас.

Целую листья, как иконы,
За все тебя благодарю,
Мир, совершенно завершённый
К осеннему календарю.
Какая пламенная щедрость
Земных и неземных даров,
Меня в свои вбирает недра
Твоя нетленная любовь.
И я, в немом благоговенье,
На землю опускаюсь ниц,
Закончив таинство круженья,
Ложится рядом зрелый лист.

УЕЗЖАЯ...

Я оставляю вас на Божью волю,
И произносят бережно уста:
– Храни вас Бог, любимые места,
Назначенные нам в земную долю.
Храни вас Бог от наших бед и рук
И ограждай невидимой границей,
Чтоб нам, безумным, после всех разлук
Нашлось, к чему припасть и прислониться.

ДУША

Недвижное покинув тело,
Она в безмерное летела
пространство...

Было так темно,
Так холодно... Так одиноко...
Одно бессонное окно
С земли глядело желтым оком
Сквозь толщу верст звезде во след.
Мерцал и таял... таял свет.

О, сколько раз она уже
В живучем теле умирала,
Его бессмертная душа.
И не хотела больше жить,
И не могла мириться с тем,
С чем тело сосуществовало.

Есть у памяти свойство одно –
Прятать черное дело на дно,
Будто дела, что сердцу не мило,
Вовсе не было – похоронила.
Есть у памяти свойство другое –
Помнить зло, не давая покоя,
Обрекая на горькую муку,
Но зато – останавливать руку,
Вновь взнесенную с умыслом темным.
Жаль, недолго грехи свои помним.

В наш ядерный, безумный, оголтелый,
Расчетливый, бесстыдный, жадный век
От белой церкви песенка летела,
Оттуда, где какой-то человек
Без возраста, убогий, темнолицый,
Раскачиваясь, впавши в забытие,
Все пел и пел, забыв остановиться,
Все выводил старательно ее,
Свою одну-единственную песню –
Веселый и ликующий мотив.
Умри, казалось, и опять воскресни,
Он так и будет, голову склонив,
Застывшими от холода губами
Бесхитростные выпевать слова,
И душу, что надеждою жива,
В морозный воздух выдыхать словами.

Чуть холоднее, чуть со стороны,
Чуть отстраненней – все ясней и проще.
Уже глаза души увлечены
Видением почти нездешней рощи
Полупрозрачной. Сквозь нее видны
И облака, и купола собора.
И ненасытность медленного взора
Не нарушает гулкой тишины.
Весенней дымкой испарился страх,
Воскресли чувства, возродились мысли.
...А провода на куполах обвисли,
И птицы на обвисших проводах.

ДОСТАТОЧНО

Одной чистой полоски на затянутом
тучами небе,
Одного доброго на десять злых,
Одного щедрого на сто жадных,
Одного храброго на тысячу трусов,
Одного правдивого на миллион лжецов,
Одного Бога – на всех.

Покажется: рукой до Бога,
Чуть потянись – такая даль.
...Стопам нелегкая дорога
И сердцу долгая печаль.

Батюшке

Перед займищем на лугу
Кобылица колышет гривой.
Я, бессильная, не могу
Удержать этот миг счастливый.
Эту радость внезапных слез,
Сочетанье любви и муки.
Тихий ветер с собой принес
Угасающей жизни звуки.
Деревенька на берегу,
Островок человеческой боли,
От беды твоей убегу
Плакать в поле, мечтать на воле.
По какой-то жизни иной,
Чистой, вечной, вздыхать со страстью,
Даже временной и земной,
Не умея прибавить счастья.

О дай мне, Бог, не разочароваться
Ни в истине Твоей, ни в красоте.
И каждой проявившейся черте
Твоей в знакомых лицах изумляться.
В самой себе в молитвенной тиши
Преодолеть смятение и сомнение,
Чтоб в глубине любой живой души
Найти Твое земное отражение.

Порой ночной, не разнимая рук,
Давай с тобой наговоримся, друг,
Мы беззащитны, времени река
Уносит нас в иные берега,
Еще разлука впереди у нас...
Давай наговоримся про запас.

Душа с душой, как тайна с тайной.
Как бездна неба с океанной.
Одна с другой, как вечность с вечностью,
Божественное с человечностью.
Не зная, кем друг другу станете,
Когда окрепнет память в памяти
И, пересиливая «порознь»,
Отобразится образ в образе.
Через века из мира бренного
Две меры вечного, нетленного.

Был тесен круг сплетенных рук
И разом разорвался вдруг,
И все посыпались из круга.
О, как мы будем друг без друга,
О, как мы будем брат без брата,
И только ль время виновато
В непрочности желанных уз?..
«Друзья! Прекрасен наш союз!»

Когда еще...
Так редки эти встречи.
И потому, наверно, так ценны:
И щедрый день, и робкий ясный вечер,
И чистые минуты тишины.
Когда еще...
Но золотые листья
Медалями ложатся мне на грудь,
И вечностью одно мгновение длится.
... Когда-нибудь, мой друг... когда-нибудь.

Очутилась в зиме,
А к зиме не готова:
Ни коней, ни саней,
Ни тепла, ни пимов.
Ты согреешь меня
Утешительным словом,
Самым щедрым
Из всех недосказанных слов.

Ты подаришь его
Сквозь немую разлуку,
Словно сердцем учуешь:
Непрочно стою.
Ты протянешь мне слово –
Надежную руку.
И удержишь... удержишь...
На самом краю.

О, как плачет душа по тебе, моя радость...
Столько лет, а она все скорбит
О себе, потерявшей тебя.

И был вечер...
И было утро...
И все устроено было мудро.
То, что казалось невыносимым,
Вдруг обернулось вполне терпимым.
Но сколько длилась ночная битва,
Об этом знают Бог да молитва.

Сквозь линзы слез, ленивая душа,
Гляди на увеличенное горе,
Чтобы с собою непрерывно споря,
Ему навстречу сделать трудный шаг.

О чем мне, пичуга, щебечешь,
О том ли, что жизнь хороша,
И что, пропуская беспечно,
Навеки теряет душа?
Днем тусклым февральским морозным
Какое ты славись житье?
Надорвано плачем бесслезным
Усталое сердце мое.
Но ты, порожденная небом,
Так сладко, так больно поешь
И песню, как корочку хлеба,
В пустые ладони кладешь.

Граница между радостью и болью
Так пролегла, что их не различить.
Дурман взошел по вспаханному полю,
Не знающему, чем себя лечить.
Давным-давно забыто разнотравье,
Гудящий ветер гонит пустоту.
И как узнать, окажешься ли правым,
Когда шагаешь в сторону не ту?
И где сокрыты вехи и пометы
Добра и зла? Мир перепутал все...
По полю мчится жизни колесо:
Вопросы жгут и колются ответы.

Надорвусь страдать-сострадать,
Затоскую на вечной тризне,
Но другой не бывает жизни.
Та, что есть, и есть – благодать.
Все твоё житье да битье –
Запятые, тире и точки.
О, как бьется сердце мое,
Разрывается на кусочки.
О, как плачет, выход ища,
Над любой колыбелькой горя.
И смиряется, трепеща,
Ничего себе не отспоря.

ЦЫГАНЕ

Бьет цыган цыганку молодую,
Молча и ожесточенно бьет.
А она, подняв ладонь худую,
Словно боль свою из горсти пьет,
Иль защиты ищет у кого-то
Истово, по-своему, молясь,
Со слезами смешанная грязь
На лице да жалкий страх животный.
Не бежит от деспота, не просит
Помощи, сглотнула в горле ком
И упала головою оземь,
Ворох юбок лег вокруг цветком.
О своем о чем-то гомонят
Цыганята со старухой рядом,
Та лишь поведет на сына взглядом,
Что он прячет, сумрачный тот взгляд?!
Разогнулась, охнула старуха,

Цыганенка дернула за ухо,
Для нее, да и для цыганят,
Жизнь течет, как тыщу лет назад...
А в цыгане злость перекипела,
Сел и, остывая, закурил.
Вот и все. Обычайшее дело –
Бить жену, покуда хватит сил.

То ли дождь пойдет, то ли снег...
То ли просто слаб человек,
То ли слишком трезв,
То ли в стельку пьян,
То ли есть какой
В нем иной изъян.
То ли жизнью где прищемило –
Все немило.

Аптечное нынче не в моде.
Среди многочисленных средств
Известное средство в народе
От всякой бессонницы есть.
Оно помогает забыться.
Оставив свой лагерный быт,
Душа легкокрылою птицей
Над опытом жизни парит.
Лишь вечный огонь укоризны
Горит, выжигая, в груди.
Но полное знание жизни,
Конечно, еще впереди.

Да, жизнь вполне абсурдна. Не ищи,
В ней нет несуществующего лада.
А то, что прячешь в глубине души
От всюду проникающего взгляда
Чужих, но на твои похожих глаз,
Оно так страшно противоречиво.
И ада жар таящее огниво
Подделкою похоже на алмаз.
Там, в глубине, и Бог, и сатана,
Там правда, обручившаяся с ложью.
Чуть тронь, вся муть поднимется со дна –
От фанатизма веры до безбожья.
Гармония, мерило красоты,
Когда бы не была самообманом,
С какой бы силой высветила ты:
Всё, что внутри, и всё, что вне, –
С изъёном.

Я научилась отстраненью.
Душа, не в силах боль вместить,
Не сделав шаг к самосожжению,
На грани умудрилась жить,
На острие невыносимой,
Неладной жизни. Боль сама
Из страшной и неугасимой
Привычной стала, как тюрьма,
Где слезы каждый миг не льются,
Где тоже дышат и живут,

Едят, ложатся спать, смеются,
Где свой, тюремный, есть уют.
Душа смирилась, притерпелась.
Душа молитвой спасена,
Но как бы ей в аду ни пелось,
А все же рая ждет она.

А на земле опять белым-бело,
И все невзгоды снегом замело.
Слепит глаза святая белизна,
Но в небо тропка тайная видна,
Она идет по лезвию луча.
Как над бедой победа горяча,
Еще живет в груди ее ожог
О тех, кого в пути не уберег,
О тех, кого и впредь не уберечь.
Но снег вернется, чтоб на раны лечь.

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

Большая, страшная старуха,
Она ходила в гости к нам,
В ладонь покашливая глухо,
Снег, прилепившийся к пимам,
Сметала веником. Снимала
Видавший виды козушок
И тряпку в уголок бросала,
Ей заменявшую платок.
Москвичка, «барыня», вдова.
Расстрелян муж, ей – поселенье.
Все были отняты права,
Оставлено одно терпенье.
Чтоб в побирушках не ходить,
За керосин, картошку, ужин
Она хотела заплатить
Трудом, моей семье ненужным.
На табуретке у окна,
Картошку чистя неумело,
В какую даль она глядела,
Какую речь вела она:
– Я пролила немало слез,
По нерожденным детям плача.
А это счастье и удача,
Теперь-то знаю – Бог пронес!
Ах, сколько б им досталось горя...
С ней не решалась мама спорить.
И в наступавшей тишине
Темно и страшно было мне.
Она ходила много лет.
А тут неделю – нет и нет.
Сказала мама: – Умерла,
Живая бы уже пришла.
И мы отправились за ней.

На огородах в сараюшке,
Уже иссохшая, в огне,
Лежала жалкая старушка.
Земля под снегом остывала,
Снежинки щеки мне секли.
Закутанную в одеяло,
На саночках мы привезли
Ее в районную больницу.
У докторов застыли лица,
Дежурный врач сказал: – Принять!
Ее забрали и раздели,
И положили умирать
На государственной постели.
По кабинетам и чинам
Ходила мама с просьбой слезной,
Чтоб хоронить отдали нам.
Увы! Все было бесполезно.
И в пятьдесят втором году
Без гроба, в нищенской могиле
На счет казенный хоронили
Последнюю в своем роду.

НА ТОРЖИЩЕ МЕНЯЛ

Здесь менялись без норм и без правил.

Кто-то чист был, а кто-то лукавил:

– Посмотрите, какая вещь,

Для себя не сумел сберечь.

Этот – дачный участок с сортиром

Обменял на цыганскую шаль.

Тот, чудака, городскую квартиру –

На чужую неясную даль.

Некий жулик на торжище этом

Даже зиму менял на лето,

Соглашался с большой доплатой,

У него водились деньжата.

А старуха меняла судьбу,

Принесенную на горбу,

На другую, чтоб снова начать.

Говорили ей: – Что ты, мать,

Нынче жизнь твоя не в цене,

Нам такую не надо, не...

А у тощего ротозея,

Что стоял, на менял глаза,

Вовсе не было ни шиша,

Кроме черного карандаша,

Да листочка белой бумаги,

Да желания, да отваги.

Вот он взял и по мере сил

То, что видел, изобразил.

Мы за это его и судим.

... Получились...

черными люди.

Растет, растет
Мой список поминальный.
На белый путь
Ложится снег печальный.
Там, на снегу,
Вороньих лапок след.
Я сохраню
Тоску ушедших лет,
Я семена
Печали сберегу.
Посею
На высоком берегу.
И может быть,
Сквозь времени полет
Былая горечь
Радостью взойдет.

Приснись мне, мама, светло на днях,
К свету лицо поверни.
Невмоготу мне видеть во снах
Черные твои дни.
Приснись в любимом моем платке,
По темному желтая нить,
И, уголок теребя в руке,
Пожалуйста, мне улыбнись.
И говори, рассказывай мне
Про жизнь свою, про дела.
Приснись! Но так, чтобы я во сне
Не знала, что ты умерла.

Человеку нужен человек,
Сокровенный сердца человек,
Сердцу драгоценный человек.
Не на день, не на год, а на век.
Чтоб ни у кого его не красть,
Чтобы с ним наговориться всласть,
Чтоб в беде к груди его припасть,
В пропасть не упасть и не пропасть.

Зачем душа предчувствием томится,
Да будет ли ей, чем сейчас, страшной,
Когда она от тела отделится
И прах земной не полетит за ней?
И разве всеми муками земными
Не отстрадала, не искуплена?..
Какими же грядущими, иными,
И грезит, и печалится она?
Так ждет дитя в тревоге и смятенье
Карающей руки прикосновенья.
Во всех проказах кается оно,
Заранее любовью прощено.

Октябрьский лес прозрачен и прекрасен,
И призрачен, и беспредельно строг,
Печали полон, как последний срок,
И, как надежда, молчаливо ясен.
Еще хранит опавшая листва
Цвета и шорохи отхлынувшего лета,
И ждет душа приветов и ответа.
От ветра так кружится голова,
Холодного и пахнущего мартом,
Как будто все поставлено на карту,
Как будто здесь начало и конец,
Рожденье жизни и ее венец.

ВНУКУ

Забудь о лете – кончилось оно...
Зачем мои слова, смешные, внуку?
Весна сочится сквозь его окно,
Букет ромашек вкладывая в руку.
Мои деревья сбросили листву,
А у его берез проснулись почки,
И клейкие зеленые листочки
Выстреливают в Божью синеву.
В его окошко соловьи поют.
Востры до песен молодые ушки,
Его часы спешат и отстают,
И он не слышит голоса кукушки.
Не для него ее печальный счет,
Он все равно, услышав, не поймет.

От детства
И в старости никуда не деться.
С локтями
Да коленками острыми
Замучивает своими вопросами.
Ему еще
Знания копить вначале,
А мне уже
Нянчить свои печали.

ЗЕМЛЯ МОЯ

Земля моя, березовые колки,
В таком раздолье только песни петь,
Мелькнут в березах сосенки да елки,
А дальше, сколько глаза хватит, степь.
В таком краю мне довелось родиться,
Где все открыто сердцу и мечте.
На юг, на север улетают птицы,
Меня не манит с ними улететь.
Я здесь живу, где корни, там и крона,
Порой их смерть не в силах разлучить.
Сибирь – мой дом, ветрами опаленный,
Пошли, Господь, мне в нем весь век
прожить.

Я знаю, что придет пора проститься,
Призывный колокольчик прозвучит,
Но и тогда душа свободной птицей
Еще не раз над степью пролетит.

Кукушкины песни напрасны,
Бессильны потомство собрать.
Беспочвенны были, но ясны
Мечты наши, Родина-мать.
Мы песни задорные эти
Научены сызмальства петь,
Кукушкины глупые дети,
Чего нам о прошлом жалеть,
И что еще может случиться
На нашем веселом веку?..
Но снова простор огласится
Ее беспокойным «ку-ку».

Поблекшая, пожухлая, седая,
Последней зрелости осенняя трава...
Но в ней таится сила молодая,
Магические прячутся слова.
Лишь только солнце утвердится в небе,
Лишь только сердцем завладеет март,
Одолевая дремоту и небыль,
Они ее под снегом воскресят.
И вот тогда сквозь мглу тысячелетий,
Из глубины земного бытия
Она вернется, возвестив о лете,
Трава надежды, спутница моя.

Играет музыка в бору,
Пронизанная солнцем,
О том, что было поутру
И больше не вернется.
Играет музыка, хоть вой,
Так весело и звонко,
Что дятел бьется головой
О чахлую сосенку.

После Крещения дело к весне
И на родимой моей стороне.
Вьюгам-метелям еще бушевать,
Птицам да нищим еще бедовать,
Досуха выжмет еще нас зима,
Встретят кого-то сума и тюрьма,
Столько добавится вдов и сирот,
Столько, весны не дождавшись, уйдет.
Поводов будет немало для слез,
Иней осыплется с белых берез.
Слышишь, сорока несет на хвосте
Горькую весть о Великом посте,
Видно, действительно дело к весне
На оскудевшей моей стороне.

Зима, как смерть Христа.
Весна! Сними с креста.

Почему через боль, через боль
И рождение, и смерть, и любовь,
И вся жизнь — сквозь страдание и муку?..
Протяни отдающую руку,
И слетится клевать воронье
Неусыпное горе твое.
Пусть клюют. Все равно им и нам
Хватит скорбного хлеба с избытком.
На Руси только резвым и прытким
Этот черствый кусок по зубам.
Все равно, только так, через боль,
Все, что было, что будет с тобой.
Ни судьба, ни талант, ни пустяк —
Здесь ничто не дается за так.

ЛОШАДИНАЯ ЖАЛОБА

Не нужны мне вожжи и кнут.
Я сама впрягаюсь в телегу
Мне давно известен маршрут.
По камням, по грязи, по снегу.
Вдоль по нашему бездорожью
Потащу свой тяжелый воз.
Обещали мне жизнь хорошую,

А хорошего — с «гулькин нос».
Да и Бог с ним, с этим хорошим.
Хватит горького мне до слез,
По ночам жую свой овес
Да соленые пью горошины.
А луна от моей конюшни
Не уходит, торчит бельмом.
Может, мне лучшей жизни не нужно,
Это мой распрекрасный дом...
А на том зеленом лугу,
На зареченском берегу,
Где пасутся сытые кони,
Там бы счастье мое не поняли.
И судили бы, и рядили,
И копытами резво били:
— Ох, и глупая эта кляча,
Видно, жить не хочет иначе.

НИЩЕНКА

Она упала сразу: так ребенок
Усталый засыпает на ходу.
Промчавшись мимо, резвый «жигуленок»
Вдруг разрешил давнишнюю беду.
Она была избавлена от жизни
Движеньем легким белого крыла.
Недоуменья, боли, укоризны
Тень не коснулась старого чела.
Прощальное несказанное слово
Не выдохнулось, умерло в груди.
Крест маленький на ниточке суровой
Ей указал дорогу впереди.
И, в небо взмыв, душа ее глядела
(Прохожим было незачем глядеть)

На невесомость худенького тела,
Растраченного в жизненном труде,
На два кусочка хлеба в старой сетке,
Упавшей от нее невдалеке,
И на ее богатство — две монетки
Пятнадцатикопеечных в руке.
Она лежала тихо и укромно,
Отдав земле остаток малых сил.
Сел воробей, насытился скромным,
Живые капли крови проглотил.
Оберегая от чужой печали
Свое неполноценное житье,
Ее живую мы не замечали
И мертвую не видели ее.

Ну что ты, чужое горе,
Зачем ты мне лезешь в душу?
С меня своего довольно.
Не слушало горе чужое,
Теснило да окружало,
Покуда своим не стало.
Теперь уже не прогонишь:
Прильнуло рубахой к телу.

Перекресток века и судьбы...
Разбежались в стороны столбы.
И дорога, призывая даль,
Волочит свою тоску-печаль.
Села птица серая на снег,
Смотрит грустно, хоть не человек.
А глаза у серой голубы,
Как у той расхристанной судьбы.

Откуда я в сем мире грозном,
Не сохранившем тишины?
Узором на стекле морозном
В моей душе отражены
Давно забытые приметы
Минувших лет.
Таинственные вспышки света,
Иной рождающие свет.
Куда иду дорогой дивной
В несуществующе наивной
Неисполнимой тишине,
В неволе вольная вполне?..

Все чужое. Я в этом чужом
Не какая-нибудь иностранка.
Это мой перевернутый дом
Ощетинился злобной изнанкой.
Я сквозь хаос и боль продерусь
К его истинному, лицевому.
Пусть твердят, что тебя, моя Русь,
Тем виднее, кто дальше от дому.

Печальной повести
Прозящих подаянье
Лишь жизнь без совести
И смерть без покаянья.

У ЦЕРКВИ

Обросший и грязный,
В коростах и язвах,
Он молча стоял у ворот,
Не кланяясь, не обращая вниманья
На тех, кто ему подает.
Его прогоняли церковные люди,
Мол, грешник и пачкаешь тут.
Он молча терпел,

Будто вымолвить слово
Был просто немыслимый труд.
И я проходила, не бросив монетки,
Решив, что пойдет на пропой.
Смотрел сквозь меня он
Невидящим взором,
Должно быть, так смотрит слепой.
Я знала, что к каждому в жизни приходит
Хотя бы однажды Господь,
Чтоб после, на Страшном суде
Воскресенья,
Судить наши души и плоть.
Я в церкви молилась, надеясь, узнаю,
Когда и ко мне Он придет...
...А Бог мой, голодный,
Раздетый и нищий,
Стоял у церковных ворот.

Столь, Господи, винна перед Тобой...
Молю Тебя, забудь про справедливость.
Одна надежда на Твою любовь
И на Твою немыслимую милость.

О, сколько в нас сомнительных идей,
Патетики не чуждых, безусловно.
Стесненное сообщество людей,
Чужих друг другу кровно и духовно.
Живем, толкаясь в суете мирской,
По остроте локтей – чины и званья.
Отвергнуто лавиною людской
Божественного голоса призыванье.
Бесплоден путь наш, помыслы пусты,
И мысль темна, и вдохновенье черно.
Взирает с болью Пастырь с высоты
На стадо, к пропасти бредущее упорно.

За оврагом враг,
За пригорком – друг,
И один не враз,
И другой не вдруг.
Как случилось так,
Что в глазах испуг,
Что неверен враг
И не вечен друг?..

Уже до края несколько шагов,
И вечностью из всех углов несет.
Зачем считать оставшихся врагов,
Когда друзей уже наперечет?
Не торопись, мой закадычный враг,
Мой друг, не научившийся любить,
Пусть будет мирен наш последний шаг...
Как мы простим, так нас и Бог простит.

Нам немного отпущено веку,
Просто так улыбнись человеку.
Может, он, оглянувшись мне вслед,
Улыбнется кому-то другому.
И от дома потянется к дому
Доброты человеческой свет.
За оградой сентябрьского сада
Тихо яблоня веткой качнет,
И откроется яблоко взгляду
Золотое, как солнечный мед.
Свет осенний, неровный и зыбкий,
Добирает оно неспеша.
...Так от каждой дареной улыбки
Дозревает чужая душа.

Влекомая не разумом, но чувством,
Россия, зазеркальная страна,
Каким Творца неведомым искусством
В конце концов ты будешь спасена?
Через какие пропасти и горы
Нас провести опять решится Он,
Какого нам еще достанет горя,
Чтоб разум с чувством стал соединен?..

Когда совсем запутаюсь в силках
И станет шаткой жизнь до основания,
В мои ладони хладная рука
Опустится с небес для целованья.
О, что мне делать после всех потерь?
Земным мерилom бездны не измерить.
И снова, открывая к свету дверь,
Я так хочу надеяться и верить.

Это слезы мои с ресниц,
Словно листья, слетают вниз.
На траве золотой настил,
Видно, Бог пожалел – простил.

Все золото уже упало
К ногам моим. Шуршит листва.
Чего ждала, о чем мечтала,
Что только грезилось едва –
В себя мгновение впитало.
Холодный воздух сух и чист.
Душе не много и не мало,
Она сама, как зрелый лист.
Сегодня ей, привычно-стойкой,
Всё по нутру и всё к добру,
И горько-сладкая настойка
Поры осенней поутру.

Чистая радость в душе поселилась,
Как птица в гнезде.
Страшно и сладко
Вдруг Божию милость
Увидеть во всем.
Сладко и страшно
Наивно подумать,
За что?!
Тайную дверь открывая ключом
ЗОЛОТЫМ.

Светом останься, сияньем останься,
Не исчезай, голубая звезда.
Не по тебе ль со щеки мирозданья
В бездну упала слеза?

Не уходи, моя гостья ночная,
Радость моих неразгаданных снов,
Не оставляй оскудевшими душу,
Небо и землю, пространство и кров.

Все, что болело, – отболело...
Неужто болью жизнь жива?
Бесплодное пустует тело,
Забыв заветные слова.
Не я ль сама в слезах просила:
– Пройди, пройди. И вот – прошло...
Страданье – движущая сила,
Любви надежное весло.

Печаль моя, заступница печаль,
Спасительная тайная отрада.
Ты – близь и явь, и мнимое, и даль,
Сама себе награда и ограда.
Как мне за прочной крепостной твоей
Стеной молчится, дышится, поется?..
От радости ли свищет соловей
Иль от печали – равно сердце бьется.

В этом царстве торжественно-белом,
Здесь, где можно промерзнуть насквозь,

Я оттаю вдруг сердцем несмелым
Среди всеми забытых берез.
Блики солнца за облаком дальним,
Ускользающим в завтрашний день,
Обещают прощанье с печальным.
Так со светом прощается тень.
Так созвучья прощаются с мигом
Тишины и с любовью – душа,
Истекая неслышимым криком,
Заглушающим сделанный шаг.

Очнуться вдруг нечаянно в судьбе...
Вослед звезде, в ночи блеснувшей ярко,
Обрадоваться миру и себе,
Как самому желанному подарку.
И дальше жить не так, как прежде жил,
А изо всех своих забытых сил.

Дотянулась до любви, ухватилась,
Держу слабеющими руками.
Или это она меня держит?..

Чем больше отдаю, тем я богаче,
Лишь поскоплюсь – подступит нищета.
Все забирайте, люди, а иначе
Душа моя, как полый ствол, пуста.

СЛОВО К СЛОВУ

Начнется день не с телевизора,
А с утренней травы в росе.
Какое чудо нынче вызрело
На придорожной полосе.
Увижу облако, летящее
В небесной гулкой стороне,
И чувство жизни – настоящей –
Опять аукнется во мне.

СЛОВО

1.

Сначала по небу летело,
Прохладой в воздухе витало,
В ветвях зеленых шелестело
И вдруг на чистый лист упало.
Явилось, воплотилось, стало,
Осуществилось и созрело,
И было в нем начал начало,
И все живое в нем звучало,
И жизнь моя в нем песней пела.

2.

Как листья, шепчутся слова
И примеряются друг к другу.
Отпавшие, уже по кругу
Летят, как осенью листва.
Другие, осознав себя
В непостижимости явленья,
Любовью строки укрепя,
Слагаются в стихотворенья.

3.

Доброе несказанное слово
Жжет гортань и леденит уста,
Почему его я не готова
Вовремя со дна души достать?
И оно, как сказочное семя,
Прорывает душу изнутри.
Погоди, отпущенное время,
Дай успеть его проговорить.

4.

Когда вдали из ниоткуда
Возникнет лес
Таинственным зеленым чудом,
Придут с небес
Слова и щебетом весенним
Меня пронзят.
О, послезимнее веселье -
Смертельный яд.
Но если сердце истомилось
В земном пути,
То дай мне, Бог,
Твою же милость
Перенести.

5.

Стихи мои – моя молитва к Богу,
Такую Он определил дорогу –
Искать слова, всем голосам внимая,
И находить, из сердца вынимая,
Чтобы кому-то помнились они,

Как светлые и сладостные дни.
Чтоб кто-то ими, как водой, умылся,
Чтоб кто-то с ними, как с родными,
сжился,
Чтобы кого-то на крутом пути
Они смогли утешить и спасти.

Как под ливень вылететь
босиком.
Так стихи рождаются –
целиком.
Слово к слову лепится –
не разъять.
Вот она, небесная
благодать.
Божий дар –
не каторга и не труд.
Просто сердце молнией
вспыхнет вдруг.
Осветив причудливым
светом мир.
В этот миг волшебный
ты – маг, факир.
Строчки самописные
со страниц
Отпускаешь вольною
стаей птиц.
Только громом грянет вдруг
немота.
Пауза, отчаянье, темнота.
...Сколько снова топать да бедовать,
Чтоб вернулась Божия благодать.

Вот-вот и взорвется сирень
Сиреневым яростным цветом,
И в буйном сиянии этом
Утонет проснувшийся день.
С утра и до вечера будет
Царить по дворам торжество,
И снова уверуют люди
В сиреневое божество.
Добыча та сладкая в руки,
Знать, небом дарована нам.
И жадно, как после разлуки,
Потянутся губы к губам.
Как будто среди разрушений
И всех испытаний земных
Нам послан взамен утешений
Вот этот единственный миг.

Цвела сирень. В садах сирень цвела.
Еще такой не видели сирени.
А яблоня была белым-бела,
Я перед ней стояла в изумленье.
Ни листика, один лишь чистый цвет
На все мои сомнения в ответ.

Утраты... Утраты... Утраты...
Смиренная горечь потерь.
И поздно кричать: о куда ты?
И только молиться теперь.
За выцветшей лентой заката
Мелькает крылатая тень,
Не ведая чувства утраты,
Рождается завтрашний день
Надеждой пронзительно светлой
На встречу в иных временах.
И листья, презревшие страх,
Слетают доверчиво с веток.

По горлышко горьким насытившись,
Как почувствовать жизни сладость,
Да и есть ли она, вопрос?
Вот только у хины странный
Привкус тепла и нежности,
Может, это и называется
Сладостью бытия...

Лес... Кружев волшебство
На блеклом фоне.
В любой обители Его,
Как на Афоне.
В любом углу земли,
Пустом и строгом,
Внемли.
Безмолвный, ты услышан Богом.

Небо кишело птицами улетающими,
А душа – надеждами тающими.
Только что была полная корбушка,
Нынче глянула – ни воробушка.
Вчера надо было ладить кормушку,
Сегодня сама грызу сухую горбушку.
Протяну на ладони остатки крошек,
Может, вернется какой воробушек.

И при солнце, и при луне
Столько раз повторяли мне:
– Потерпи! Потерпи – пройдет. –
Проходили за годом год,
Я терпела. И скорбь и боль
Уносило время с собой,
Уходили люди, дела.
...Потерпела...
И жизнь прошла.

Бабье лето. Так распелись птицы,
Словно зим на свете вовсе нет.
Высыхают слезы на ресницах,
Оставляя чуть приметный след.
И щекочет ноздри терпкий запах
Прелых листьев, содранной коры.
За рекой, в еловых темных лапах,
Притаилась осень до поры.
Завтра грянут холод и ненастье,
А сегодня солнце и покой.
И трепещет листик золотой,
Как душа, припомнившая счастье.

Нет! Умереть мне от другого,
Теперь уже не от любви.
А было, что глаза твои
Значенье сказанного слова
Несли в себе заряд смертельный.
И если жить осталась я,
То потому, что безраздельной
Досталась мне любовь твоя.

Под кожей яблока живого
Зеленой крови слышен ток.
Пусть в этом мире все не ново,
Но все для нового исток.
И мертвая вода колодца
Живит осенние цветы,
И сердце учащенной бьется,
Когда в него глядишься ты.

Как сладок был обман,
Как истина горька.
Еще в твоей руке
Лежит моя рука,
Но леденеет мысль,
Изнемогает речь,
И ни тебе, ни мне,
Увы, не убережь
Минут, часов и дней
Закатного огня.
Покуда я с тобой,
Не покидай меня.
Не разжимай руки,
Она еще крепка,
Пусть истина горька,
Будь сладок нам обман –
Мы вместе на века.

С утра трава в росе
От инея ночного,
И просятся к слезе
И музыка, и слово.
Река, луга и лес
Покоятся в печали,
И льется свет с небес
На все земные дали.

Жизнь, несмотря на точки зрения,
Не изменилась за века.
Но с точки зрения уныния
Лишь неоправданно горька.
А с точки зрения падения –
Никак не поднимает ввысь.
И с точки зрения волнения
Колотит так, что лишь держись.
Что проку предъявлять претензии
Незаменимой визави,
Когда вокруг цветут гортензии,
Когда всюду цветут гортензии
И не смолкают соловьи,
И с точки зрения поэзии,
И с точки зрения любви.

Прикоснись. Убедиться хочу
В тихой верности прикосновенья.
Так касается стихотворенье
Губ моих вопреки палачу:
Пульсу времени, стрелке часов.
Все, что движется, – остановимо.
Лишь прекрасное – неистребимо
Ныне, присно, во веки веков.

Пора отвыкать друг от друга,
Прощаться пора.
Повымела времени выюга
Гостей со двора.
Лишь где-то высоко-высоко
Кричат журавли,
Как им без земли одиноко
В небесной дали.

Есть в Божьем мире истинная тайна,
Скрытая от всех нечистых глаз.
Ребенок, углядев ее случайно,
Внутри себя упрячет про запас.
И будем мы, незрячие на чудо,
К устам невинным жадно припадать
И пить их тайну сладкую, покуда
Хранят они живую благодать.

Сыро, зябко... Зябнет зяблик
И в мое глядит окно.
По весне уплыл кораблик,
Слезы высохли давно.
А теперь дожди и осень,
А за ней одна из зим.
И каким немым вопросом
Озадачены мы с ним,
И какие в жизни тайны
Нам искать и не найти,
И действительно ль случайно
Наши встретились пути?..

Не верь в обман, к прощанию – прощанье.
Не лги себе: снега к другим снегам.
А верность – это только обещанье,
Предашь меня, как я тебя предам.
Уходят все, никто не остается,
Три вечности обещанного ждать.
О, как невинно тот малыш смеется,
Но и на нем предательства печать.

Когда умру, молитесь обо мне.
И может быть, прощенная вполне,
Душа моя в загробной вышине
Сама взмахнет крылами, словно птица,
И полетит за вас, живых, молиться.
Когда умру, молитесь обо мне...

Ветрено. Зябко. Светло.
Мечутся клены.
Время сквозь пальцы ушло
Неутоленно.
Слову, уставшему ждать
Птичьей свободы,
Путь затворили опять
Скорбные своды.
Холодно. Но впереди
Стужи покруче.
Слово уймется в груди,
Легче – не лучше.

Неосторожных слов боюсь,
Они пророчеством опасны,
И с ними сердце не согласно.
Когда слова слетают с уст
И опускаются, как тени,
На все, что будет впереди,
Уже бессильны сожаленье
И холодок вины в груди.

Светлане Бородиной

Живу, как птица, не жалея крыльев,
И голоса для песни не жалея.
Невидимые двери мне открыли
Небес высоких гулкие аллеи.
За все плачу то перышком, то нотой,
Сыта слезами каждая удача.
И набирая высоту полета,
Я жизнь свою за каплей капля трачу,
Чтоб петь для вас, паря под небесами.
Вот он настал мой час, мой день, мой год.
А девочка с поющими глазами
И перышки, и слезы подберет.

По поводу вечера памяти...

Прекрасная, спасибо, что была...
Хоть тыщу раз скажи, а ей не слаще.
В угоду смерти эта похвала –
Живой душе сомнительная честь.
О, дай успеть услышать в настоящем:
– Прекрасная, спасибо, что ты есть.

Какая награда –
И крест, и ограда.
Чего еще надо?
Венки и синички,
Веселые птички.
И – снег.
А был на земле – человек.

Слово к слову – бликует, мелькает строка.
Велика ли потеря? Да невелика...
Жизнь всего лишь.
Посмотришь, как раз –
Ничего нет дешевле у нас.

Над тонким покровом снежным
Трава кустится.
Напевом нежданно-нежным
Согрела птица.
Еще не опали слезы
С ресниц на землю,
А я и шипы у розы
Уже приемлю.
Ведь сердцу сквозь горечь жизни
Как знать – любимо,
Так счастье земной отчизны
Необходимо.

А.Л.

Из всех цветов – люблю цветы
последние,
К ним прикасаюсь бережной рукой,
Но... одуванчик... золотой наследник
Счастливых дней, ушедших на покой.
Но одуванчик – золотая милость,
Полдневные храня и свет, и зной,
О жизни той, которая приснилась,
Поговори, пожалуйста, со мной.
Заговори, не дай успеть очнуться,
Укрой меня туманом золотым
И дай к тебе губами прикоснуться,
Как к другу, возвращенному живым.

Человек одинок...
Как удар, как испуг –
Где дубравы друзей,
Где поляны подруг?
Всех забрал себе Бог.
Человек одинок.
Никого – пожалеть,
Никому – рассказать.
Человек одинок:
Ни обнять, ни позвать.
Только Бог милосерд,
Прибирающий всех...
Но и он одинок –
Ненасытный мой Бог.

* * *

Тучнеют тучи, а между строк
На фоне неба рисунок строг
Озябших веток, в них снегири
Вьют оперение для зари.
В тумане тонут река и лес,
Весь город в белом дыму исчез,
Лишь чуть мерцает оконный свет...
И нас на свете как будто нет,
Но через шторы припухших век
Навстречу взору – пречистый снег.

Приехать – уехать, уже не привычка...
Другие соседи, пейзаж, электричка.
И время другое – чужое, иное.
Прикрою глаза от палящего зноя
Тех лет, что навстречу вагонами мчатся.
Встречаться... прощаться...
Прощаться... встречаться...
Но время – мираж.
И не время умчалось,
А прошлое – в вечном пространстве
осталось.
И я покидала его навсегда,
Наивна надежда вернуться туда,
Но я возвращаюсь.
Куда?
А в ответ –
Глаза выжигающий свет.

Весенних сумерек томительная явь.
Давно обещано, обмануто, забыто...
И все-таки, на цыпочки привстав,
Тянусь к тому, что временем сокрыто.
А там... А там... Волшебного ларца
Захлопнуть дверцу из чугунных кружев,
Но песня вещая давнишнего скворца
Уже успела выпорхнуть наружу.
И трогает, и душу бередит,
Зовет куда-то, снова обещает,
О Господи, да что там, впереди...
Но сердце нищее надежде доверяет.

Еще стою на этом берегу
И сил своих совсем не берегу.
Еще во власти прежнего «могу»
Себе не мочь никак не позволяю,
Но на закате сумеречных дней
Пошли смирение немощи моей.

Преодоление лени,
Преодоление сна,
Но как спешит на колени
Пасть перед летом весна.
Коротко, яростно, жадно
Жизнь отцветет и уйдет...
Горькие зернышки ладана
Божия птичка склюет.

Не допусти опустошенья
Души, и жизни, и земли,
Оставь хоть краткие мгновенья
Надежды, Веры и Любви.
И это призрачное, бабье,
Так затянувшееся лето
Пусть будет неба светлой рябью
Защищено и обогрето.
Пусть будет... И встает навстречу
Рябины придорожный куст,
И листья пламенные – речью
Слетают с молчаливых уст.

Гроздь рябины не просто гроздь,
Вместе ягодки, не поврозь,
Может, – счастье? Попробуй, брось
Горько-сладкую эту горсть
Благодатную.
Ну и пусть
Рядом с радостью зрела грусть...
Благодарная память уст
Послевкусие – наизусть.

Отпускаю тебя, дорогой,
Ведь любовь не отменит разлуки.
Опадают соцветья,
И звуки
Исчезают за дальней горой,
За которой ни стона, ни стука...
Но любви не отменит разлука.

Остающимся – тяжелей.
Сколько слез прощальных ни лей,
Обновляет разлуки срез
Боль, растущая до небес.

Идти, шуршать листвою под ногами,
Вбирать глазами неба синеву
И чувствовать всем существом – живу
И я сейчас в охряно-синей гамме.
И, мысленно вонзаясь в глубь небес,
Кричать, молить чарующую бездну,
Чтоб этот мир волшебный не исчез,
Когда придет пора и я исчезну.
Чтоб был он вечен, этот дивный мир,
Который сердцу бесконечно мил,
И чтобы в нем, ни много и ни мало,
Душа моя, свободная, летала.

Оставь меня на этом берегу,
Где так легко дышать осенним небом,
Где каждая деталь – последним
хлебом,
Где я перед Тобой собою быть могу,
Где все мое – Твое и умереть не
страшно,
Как положить дитя в надежную ладонь,
Где бедная душа корабликом
бумажным
Отважно поплывет – дыханием
затронь.

Катит волны свои река,
Гладит ласково берега.
Гуси с неба кричат – га-га,
Улетая за облака.
Листья золотом стелют путь,
Так пойдем же куда-нибудь.
Все бывшее зажав в руке,
Станем странствовать налегке.
Сердце бьется смелей в груди,
Страны странные впереди.
Тяжела ли моя сума?
Рядом странницей жизнь сама.

Вот и первый снежок, неожиданно
робкий.
Осторожен младенчески каждый
шажок.
На крыльцо, на белье на дворовой
веревке,
На брезентом покрытый соломы
стожок.
Пахнет коркой арбузной, потерянным
летом,
Усмирённой природой в конце октября.
Неужели душа получает ответы
На вопросы, казалось, звучащие зря?..

Кому на радость, рыбе – на беду,
Палатки рыбаков на раннем льду.
Там ожидают доброго улова,
И я ловлю трепещущее слово.
Но тонкий снег да неба густота
Молчаньем запечатали уста.
Еще гортань не бередают слова,
И рыба подо льдом еще жива.

Влекомые незримой силой
Так воздух резали стрижи...
О память сердца, удержи
Сюжет тебе отрадно милый,
Чтобы однажды над могилой
В тиши кладбищенской глуши
Мой прах блаженно осенило
Движение живой души.

Последние листья, упавшие с веток,
Коричневой рябью на землю легли.
Кукушка, своих не собравшая деток,
Уже откричала и скрылась вдали.
Последнее эхо пропетого лета
Чуть слышную нотой летит на заре,
Сияет земля нерастраченным светом
В янтарном, как мед, октябре.

Найти свой Дом –
Его Святой объем,
Где прошлое картинами живыми
Впечатано навеки в Божье имя,
Где льется песня вешняя скворца,
Где длится жизнь без края и конца.
И наблюдать в пространстве временном,
Как дом земной втекает в Вечный Дом.

Отгромыхав, прошла гроза...
И, в тишине воскреснув,
Такая даль глядит в глаза,
Душе и телу тесно.
А птичьи стаи в той дали
И кстати, и на месте,
В контексте Неба и Земли –
Единственном контексте.

Остался у меня – белый остров.
От прежнего былья – только остов,
Любого трепеща дуновенья
На ниточке висит то строенье.
По острову иду белой тропкой,
Мне поздно смелой быть, поздно –
робкой.
Прощай, мое бывшее жилище...
Теперь что Бог пошлет – то и пища.

Все случайное – не случайно.
Предназначенная стезя –
И блеснувшая глазу тайна,
И скатившаяся слеза.
Задержусь еще у порога,
Отворю нараспашку дверь.
Что ты скажешь теперь, дорога

Встреч-удач и примет-потерь?
Подари мне такую малость –
Взгляд сквозь жизнь, словно сквозь стекло,
Чтоб увидеть, что все осталось,
Что давно уже утекло.

Я молчу. Откричалась...
Иссякли слова.
Но душа бессловесной молитвой жива,
От Лица дозревая до Лика
Для безмолвного вещего крика.

СОДЕРЖАНИЕ

Предназначенная стезя.....3

ЖИЗНЬ МЕЖ РАДОСТЬЮ И ГОРЕМ

«Я песенку пела про чудо...»	6
«В полночный час, когда на небе звезды...» ..6	
«Глина. Пригорок. Ива...»	6
«Еще не Россия - уже не Сибирь...»	6
«Неухожена лошадка...»	7
«Дом стоит, неказист, скособочен...»	8
Я приеду... ..	8
«Родина, милая...»	9
«Горчит полынь сухая...»	9
День поминовенья	10
«Стынет белая дорога...»	12
Домик на окраине	12
«Чуть полежать, не открывая глаз...»	13
«Учиться не рыдать и не страдать...»	13
«Все смолкло в лесу. Тишина...»	13
«Старушки, мамины подружки...»	14
«Есть тяжелая в жизни работа...»	14
«Жизнь моя стекает в строки...»	14

Счастье

1. «Обидно понимать сейчас...»	15
2. «Пахло капустными щами и счастьем...»	15
3. «Утрами уже морозит...»	16
4. «Жизнь научает со многим смириться...»	16
«На тоненькой нитке лесной паучок...» ...	16

Измена	17
«Любить вольна и не любить вольна...» ..	17
«Счастливая душа...»	17
«Злому человеку...»	18
«Весна наступила...»	18
«Конец апреля. Верю и не верю...»	19
«Нет, молодым не завидую я...»	19
«Непростым выражением глаз...»	19
«Всё в Божьих руках...»	20
«Березы голые белели...»	20
«Пост Филиппов, белое безмолвье...»	21
«Ищет душу живая душа...»	21
«Плач ли, стон ли раздался гармонии...» ..	22
«Убогая русская жизнь...»	23
«Не лежит ли где-нибудь?»	23
«Дивно ли у нас...»	24
«Холодно в доме, нетоплена печка...»	24
«Над снежным обрывом висела...»	25
«Все чисто, выметены горницы...»	25
«Вдруг свернулась листва...»	26
«Придет желанье раствориться...»	26
«Я – человек. Во мне так много жизней...» ..	26
«Катись, катись, колечко, от крылечка...» ..	27
Хорошо	27
«Зачем так красива осень...»	28
«Виють витры...» – Так певали...»	28
«Мы в сумерках, не засветив огня...»	29
«Бесснежные зимы горьки...»	29
На улице Тарской	29
«Вольному воля, хочешь – живи...»	30
«Ах, полюшко, снежное поле...»	31
«Перепутье перепутали с путем...»	32
«Только что ни говори...»	32

«О смысле жизни вечно спорим...»	32
«В церкви гаснут огни...»	33
«Душа вольна хранить и не хранить...» ...	33
«Как этот лист на веточке, держись...»	33
«Проникну в царство дикое...»	34
«Все то, чего меня Господь лишил...»	35
«О, как молчанье душу лечит...»	35
«Осенние примолкли берега...».....	36

ДО ЛЮБВИ ДОТЯНУТЬСЯ

«Осенняя краса. Последний час...»	38
«Целую листья, как иконы...»	38
Уезжая...	38
Душа	39
«Есть у памяти свойство одно...»	39
«В наш ядерный, безумный, оголтелый...» ..	40
«Чуть холоднее, чуть со стороны...»	40
Достаточно	41
«Покажется: рукой до Бога...»	41
«Перед займищем на лугу...»	41
«О дай мне, Бог, не разочароваться...»	42
«Порой ночной, не разнимая рук...»	42
«Душа с душой, как тайна с тайной...»	42
«Был тесен круг сплетенных рук...»	43
«Когда еще...»	43
«Очутилась в зиме...»	43
«О, как плачет душа по тебе, моя радость...»	44
«И был вечер...»	44
«Сквозь линзы слез, ленивая душа...»	44
«О чем мне, пичуга, щебечешь...»	45
«Граница между радостью и болью...»	45

«Надорвусь страдать-сострадать...»	46
Цыгане	46
«То ли дождь пойдет, то ли снег...»	47
«Аптечное нынче не в моде...»	47
«Да, жизнь вполне абсурдна.	
Не ищи...»	48
«Я научилась отстраненью...»	48
«А на земле опять белым-бело...»	49
Последняя дорога	50
На торжище менял	52
«Растет, растет...»	53
«Приснись мне, мама, светло на днях...» ..	53
«Человеку нужен человек...»	54
«Зачем душа предчувствием томится...» ..	54
«Октябрьский лес прозрачен и	
прекрасен...»	55
Внуку.....	55
«От детства...»	56
Земля моя	56
«Кукушкины песни напрасны...»	57
«Поблекшая, пожухлая, седая...»	57
«Играет музыка в бору...»	58
«После Крещения дело к весне...»	58
«Зима, как смерть Христа...»	59
«Почему через боль, через боль...»	59
Лошадиная жалоба	59
Нищенка	60
«Ну что ты, чужое горе...»	61
«Перекресток века и судьбы...»	62
«Откуда я в сем мире грозном...»	62
«Все чужое. Я в этом чужом...»	63
«Печальней повести...»	63
У церкви	63

«Столь, Господи, винна перед Тобой...» ...	64
«О, сколько в нас сомнительных идей...» ..	65
«За оврагом враг...»	65
«Уже до края несколько шагов...»	66
«Нам немного отпущено веку...»	66
«Влекомая не разумом, но чувством...»	67
«Когда совсем запутаюсь в силках...»	67
«Это слезы мои с ресниц...»	67
«Все золото уже упало...»	68
«Чистая радость в душе поселилась...»	68
«Светом останься, сияньем останься...» ..	68
«Все, что болело, – отболело...»	69
«Печаль моя, заступница печаль...»	69
В этом царстве торжественно-белом...» ..	69
«Очнуться вдруг нечаянно в судьбе...»	70
«Дотянулась до любви, ухватилась...»	70
«Чем больше отдаю, тем я богаче...»	70

СЛОВО К СЛОВУ

«Начнется день не с телевизора...»	72
--	----

Слово

1. «Сначала по небу летело...»	72
2. «Как листья, шепчутся слова...»	72
3. «Доброе несказанное слово...»	73
4. «Когда вдали из ниоткуда...»	73
5. «Стихи мои – моя молитва к Богу...» ..	73
«Как под ливень вылететь босиком...»	74
«Вот-вот и взорвется сирень...»	75
«Цвела сирень. В садах сирень цвела...» ..	75
«Утраты... Утраты... Утраты...»	76
«По горлышко горьким насытившись...» ..	76
«Лес... Кружев волшебство...»	77

«Небо кишело птицами улетающими...» ..77	77
«И при солнце, и при луне...»77	77
«Бабье лето. Так распелись птицы...»78	78
«Нет! Умереть мне от другого...»78	78
«Под кожей яблока живого...»79	79
«Как сладок был обман...»79	79
«С утра трава в росе...»80	80
«Жизнь, несмотря на точки зрения...»80	80
«Прикоснись. Убедиться хочу...»81	81
«Пора отвыкать друг от друга...»81	81
«Есть в Божьем мире истинная тайна...» ..81	81
«Сыро, зябко... Зябнет зяблик...»82	82
«Не верь в обман, к прощанию – прощанье...»82	82
«Когда умру, молитесь обо мне...»83	83
«Ветрено. Зябко. Светло...»83	83
«Неосторожных слов боюсь...»83	83
«Живу, как птица, не жалея крыльев...» ..83	83
«Прекрасная, спасибо, что была...»84	84
«Какая награда...».....85	85
«Слово к слову – бликует, мелькает строка...»85	85
«Над тонким покровом снежным...»85	85
«Из всех цветов – люблю цветы последние...»86	86
«Человек одинок...»86	86
«Тучнеют тучи, а между строк...»87	87
«Приехать – уехать, уже не привычка...» ..87	87
«Весенних сумерек томительная явь...» ..88	88
«Еще стою на этом берегу...»88	88
«Преодоление лени...»88	88
«Не допусти опустошенья...»89	89
«Гроздь рябины не просто – гроздь...»89	89

«Отпускаю тебя, дорогой...»	90
«Остающимся – тяжелей...»	90
«Идти, шуршать листвою под ногами...» ..	90
«Оставь меня на этом берегу...»	91
«Катит волны свои река...»	91
«Вот и первый снежок, неожиданно робкий...»	92
«Кому на радость, рыбе – на беду...»	92
«Влекомые незримой силой...»	93
«Последние листья, упавшие с веток...» ..	93
«Найти свой Дом...»	93
«Отгромыхав, прошла гроза...»	94
«Остался у меня – белый остров...»	94
«Все случайное – не случайно...»	94
«Я молчу. Откричалась...»	95

Литературно-художественное издание

Галина Борисовна Кудрявская

И ТОЛЬКО ЭХО ВДАЛЕКЕ

Книга стихов

Редактор О.Г. Даниленко

Корректор Т.П. Белокопытова

Дизайн-верстка Е.А. Пичугиной

Подписано в печать 8.10.08.

Формат 84х90 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Arial Narrow. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 3,3.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано

СЕРИЯ
«Библиотека омской лирики»

2006

Ю. Перминов. Пусть город знает

Е. Кордзахия. Возвращение

2007

О. Клишин. Круговая порука

В. Ерофеева-Тверская.

Глядеть - не глядеться в небеса

В. Каплун. Грань

2008

А. Соляник.

Беловодье - родина весны

Г. Кудрявская

И только эхо вдалеке

Галина Борисовна
Кудрявская родилась
в городе Исилькуле Омской
области. Окончила Омский
медицинский институт.
Член Союза российских
писателей. Автор книг
«Чистый свет» (1987),
«Терпение» (1991),
«Предстояние» (1996),
«Аз есмь» (2000),
«Печаль моя, заступница...»
(2004), «Варварин дом»
(2004), «Свет осени» (2005),
«Сиянье дня» (2007).
Стихи и проза Галины
Кудрявской публиковались
в антологии женской прозы
«Брызги шампанского»
(Москва), литературно-
художественном альбоме
«Формула времени» (Омск),
журналах «Москва»,
«Дети Ра» (Москва),
«Семья и школа» (Москва),
«Арион» (Москва),
«Хозяин» (Москва),
«Флорида» (США),
«День и ночь» (Красноярск),
«Сибирские огни»
(Новосибирск),
«Земля Сибирь»
(Новосибирск),
«Голоса Сибири» (Кемерово),
«Складчина» (Омск),
«Литературный Омск».